

УДК 930.9

ББК 63.3(0)

Китай и Монголия: исторические, политические и психологические аспекты взаимоотношений

Д.К. Бабаян

Арцахский государственный университет (Степанакерт, Армения)

China and Mongolia: Historical, Political and Psychological Aspects of Mutual Relations

D.K. Babayan

Artsakh State University (Stepanakert, Armenia)

Монгольский вектор является одним из важнейших направлений китайской геополитики, затрагивающих целый ряд исторических, политических, экономических, психологических, этнокультурных аспектов во внешне- и внутривосточной плоскостях. Имеется также и целый ряд весьма щепетильных вопросов, влияющих не только на китайско-монгольские отношения, но и на геополитику Китайской Народной Республики (КНР) в целом. Эффективность внешней политики Китая в плане развития взаимовыгодного сотрудничества в ряде регионов и стран, особенно государств Центральной Азии, в определенной степени зависит и от того, какую политику проводит Пекин по отношению к Монголии. Среди специфических черт китайско-монгольских отношений особый интерес представляет стратегия, используемая каждой из этих стран, кардинально отличающихся друг от друга по военно-политическому, экономическому, демографическому потенциалу, для поддержания сбалансированных и добрососедских отношений. Основой политики КНР по отношению к Монголии предстает широко известная стратегия «мягкой силы». Улан-Батор же использует стратегию «жесткой слабости». Ее суть заключается в умелом использовании имеющихся уязвимостей для того, чтобы проведение жесткой силовой политики со стороны более мощных соседей стало нецелесообразным.

На примере Китая и Монголии показано, как эффективно действуют эти диаметрально противоположные стратегии.

Изучение китайско-монгольских отношений, таким образом, весьма полезно в контексте понимания взаимоотношений и мирного сосуществования мощной державы и намного более слабого соседа.

Mongolian vector is among the most significant directions of the Chinese geopolitics affecting a range of historical, political, economic, psychological, ethno-cultural aspects in foreign and domestic political realms. There is also a range of quite sensitive issues affecting not only the Chinese-Mongolian relations, but also the geopolitics of the People's Republic of China in general. The efficiency of Chinese policy in terms of developing of mutually beneficial cooperation in a number of regions and countries, especially in Central Asia, to a certain extent depends on the policy pursued by Beijing in relation with Mongolia. Among the most interesting aspects of the Chinese — Mongolian relations of great interest is the strategy used by these countries differing by their military, political, economic and demographic potentials, to maintain balanced and good neighborly relations with each other. The basis of Beijing's policy towards Mongolia is the well-known strategy of "soft power". The main strategy of Ulaanbaatar can be classified as "rough weakness" the essence of which is to make use of vulnerabilities so that the implementation of the power politics from the more powerful neighbors became inexpedient. The relations between these two states prove that these diametrically opposite strategies can effectively balance each other. Studying the China-Mongolian relations is very much expedient also within the context of comprehending various patterns of peaceful coexistence of a great power and a weak neighbor in general.

Ключевые слова: Китай, Монголия, «мягкая сила», «жесткая слабость», географическая, этнополитическая специфика, современные глобальные геополитические тенденции.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-31

Китайско-монгольские отношения весьма специфичны. Здесь в наиболее яркой форме проявляется весь спектр взаимоотношений сильной и крупной державы со сравнительно более слабой страной. Изучение отношений между такими странами, особенно являющимися соседями и имеющими длинную историю взаимоотношений, представляет особый интерес, тем более, когда эти взаимоотношения сбалансированы и не перерастают в открытый конфликт и конфронтацию. Каким образом Китайская Народная Республика (КНР) преодолевает соблазн использования слабости и уязвимости Монголии? Как Монголии удастся поддерживать отношения с таким соседом-гигантом, как Китай?

Это достигается благодаря стратегии «мягкой силы», применяемой КНР, и «жесткой слабости», характеризующей позицию Монголии. Если понятие «мягкой силы» исследовано достаточно широко и прочно вошло в научный обиход, то «жесткая слабость», наоборот, является новым понятием. Под «жесткой слабостью» понимается наличие у стран, значительно уступающих своим соседям в экономической, военной, демографической и иных плоскостях, ряда специфических исторических, политических, демографических и иных особенностей, делающих проведение по отношению к ним жесткой силовой политики со стороны более мощных соседей нецелесообразной.

Ключевые компоненты жесткой слабости Монголии. Ключевыми компонентами жесткой слабости Монголии предстают географическое положение данной страны, ее этнополитическая специфика и современные глобальные геополитические тенденции. Все эти компоненты взаимосвязаны. На первый взгляд может показаться, что уязвимость в вышеуказанных плоскостях попросту невозможно преодолеть, но именно комплексное использование этих слабых мест и трансформирует их в компоненты «жесткой слабости», давая возможность весьма эффективно противодействовать разного рода вызовам во взаимоотношениях с соседями-гигантами. Рассмотрим каждый из этих компонентов по отдельности.

Географическое положение. Как известно, Монголия — государство с достаточно большой территорией (более 1,5 млн км²), превышающей площадь территорий Германии, Франции и Испании вместе взятых, малочисленным насе-

Key words: China, Mongolia, “soft power”, “rough weakness”, geography, ethno-political specifics, global geopolitical trends.

лением в 3 млн человек, что в четыре раза меньше населения Москвы, и богатейшими природными ресурсами. Такая специфика обычно становится предметом соблазна для соседних более крупных государств. Китай, с его огромным населением, все усиливающимся военно-политическим и экономическим потенциалом и острой нехваткой природных ресурсов, необходимых для обеспечения такого роста, здесь не является исключением.

Кроме Китая, Монголия граничит лишь с одним государством — Россией, которая также является крупной мировой державой. Таким образом, данная слабая страна просто зажата между двумя крупнейшими соседями. Казалось бы, такое географическое положение не может сулить ничего хорошего. Однако, если, с одной стороны, это существенно ограничивает поле для внешнеполитического маневрирования Монголии, то, с другой стороны, дает возможность достаточно эффективно балансировать между двумя этими странами, поддерживая свою независимость и геополитическую значимость. Именно балансирование между Москвой и Пекином трансформирует уязвимое географическое положение данной страны в «жесткую слабость».

Кроме того, Улан-Батор развивает отношения и с США, рассматривая это как доктрину «третьего соседа» [1]. В апреле 2014 г. между Монголией и США было подписано совместное заявление о взаимоотношениях двух стран в сфере безопасности. В данном документе признавалась стабилизирующая роль Монголии в Азии и подчеркивалось, что тесные американо-монгольские связи важны для обеспечения США баланса в Азиатско-Тихоокеанском регионе [2]. Конечно, роль США в обеспечении безопасности Монголии не сопоставима с ролью России и Китая, но все же такого рода заявления представляются важными для Улан-Батора и являются некими месседжем Вашингтона. Понятно, что в случае какого-либо открытого силового давления на Монголию со стороны соседей симпатии США и их союзников будут на стороне Улан-Батора, особенно учитывая геополитическое соперничество между США и Китаем, США и РФ.

Этнополитическая специфика Монголии. Следующим ключевым компонентом трансформирующим слабость в жесткую слабость предстает

этнополитическая специфика Монголии. Монголов можно отнести к разделенным народам. В мире проживает более 10 млн монголоязычных народов, которые некогда были частью единого народа, из коих в самой Республике Монголия, как уже отмечалось выше, лишь 3 млн человек. Остальные монголы и монголоязычные народы живут за пределами независимого монгольского государства, большинство — в Китайской Народной Республике.

С одной стороны, разделенность народа, нахождение разных его частей в пределах других государств, зачастую достаточно далеко от исторической родины, связанные с этим процессы ассимиляции или эволюционирования в новые, пусть даже близкие этносы, конечно же, ослабляют материнское государство, особенно окруженное многонаселенными странами. Но, с другой стороны, данная специфика Монголии является весьма действенным механизмом парирования возможных силовых действий со стороны КНР.

Силовое давление на Монголию чревато рядом опасных внутри- и внешнеполитических осложнений для Пекина. Что касается внутривосточной плоскости, то силовая политика против Монголии не может быть безболезненно воспринята миллионами этнических монголов и монголоязычных народов в КНР. В пределах Китая существует целый ряд монгольских административно-территориальных единиц различных уровней, включающих следующие автономные образования: 56 автономных волостей, 8 автономных уездов, три автономных округа. Конечно же, среди них Автономный район Внутренняя Монголия, обладающий самым высоким административно-территориальным статусом, является наиболее важным, крупным по территории и по численности населения. Этот регион первый в Китае получил статус автономного района; по площади (1,181 млн км²) он занимает второе место, уступая лишь Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР). Нецелесообразность обострения монголо-китайских межнациональных отношений в пределах Китая приобретает особое значение, учитывая достаточно щепетильную историю взаимоотношений монголов КНР с центральной властью страны.

В процессе построения многонационального социалистического государства отношения между центром и монголосферой КНР зачастую были весьма натянутыми. Одним из проявлений этого были, например, неоднократное изменение границ Внутренней Монголии. Так, после очередного изменения границ в конце 1960-х гг., в пределах Внутренней Монголии этнических монголов осталось менее 20% [3, с. 28]. Серьезно пострадала Внутренняя Монголия и во время так называемой культурной революции [4, р. 409–430].

Изменился и этнический состав населения Внутренней Монголии. Если в 1947 г. этнические китайцы составляли 14% населения Внутренней Монголии, то к 1951 г. соотношение ханьцев к монголам составляло уже 2:1, к 1957 г. монголы составляли уже 1/8 часть населения, а к 1980 г. — 1/17 [5, р. 1782]. По данным переписи за 2010 г., население Внутренней Монголии составило 24,7 млн человек, из которых этнических монголов было немногим более 4,2 млн, или 17,1% населения данного автономного региона [6]. Остальные монголы проживают за пределами автономного района.

Нельзя не учитывать и то, что недовольство монголов может перекинуться и в другие национальные регионы, в частности сопредельный СУАР, а также в Тибет. В данном случае наряду с межнациональным конфликтом возникнет и межрелигиозный, что уже чревато осложнениями на внешнеполитической арене. Обострение ситуации в Синьцзяне негативно отразится на взаимоотношениях с мусульманским миром, с которым у КНР очень тесные отношения, а обострение ситуации в Тибете может негативно сказаться на взаимоотношениях со странами, где сильны позиции буддизма, а также с Индией, где нашел убежище далай-лама и где фактически находится правительство Тибета в изгнании, и странами Запада.

Ухудшение китайско-монгольских отношений может вызвать нежелательные последствия и для китайско-российских отношений. Как известно, часть монголосферы находится и в Российской Федерации, представленная Агинским Бурятским округом в составе Забайкальского края, Усть-Ордынским Бурятским округом в Иркутской области, Республикой Бурятия и Республикой Калмыкия. Тесные связи у монголов имеются и с Тывой, основное население которой — тувинцы, которые хотя и являются тюрками, но исповедуют буддизм. В случае обострения китайско-монгольских отношений для Москвы будет сложно и даже невозможно игнорировать мнение монголоязычных регионов страны, что, естественно, отразится и на российско-китайских взаимоотношениях.

С другой стороны, тесные, ровные и дружественные отношения между Пекином и Улан-Батором создают хорошую основу как для поддержания межнационального равновесия внутри КНР, так и для развития и углубления связей с монголоязычными субъектами России, что позитивно скажется на российско-китайских взаимоотношениях в целом. Надо сказать, что связи между КНР и монголоязычными регионами России развиваются достаточно динамично, и Поднебесная

занимает заметное положение в экономике этих субъектов. Так, Китай является крупнейшим торговым партнером Бурятии. В 2014 г. на долю КНР пришлось 45,2 % внешне-торгового оборота Бурятии, что составило \$ 604,1 млн [7, с. 202–203].

Добрососедские отношения с Китаем выгодны и самой Монголии. При помощи Китая Монголия может придать своей экономике качественно новый импульс развития, что также окажет непосредственное воздействие на геополитику страны, подстегивая активизацию Улан-Батора в регионах, где имеются монголы или близкие по этническим и конфессиональным признакам народы. Среди основных целей Монголии здесь будут помощь в поддержании этнокультурной самобытности этнически и религиозно близких монголам народов, а также укрепление их связей с самой Монголией как центром монгольского мира.

Глобальные геополитические тенденции. Трансформация слабости Монголии в жесткую слабость в определенной степени также является производной от глобальных геополитических тенденций, особенно в плоскости интеракции великих держав и их политики в стратегически важных регионах планеты.

В данном контексте китайско-монгольские отношения и политика, проводимая Пекином именно по отношению к Монголии, предстает своего рода лакмусовой бумагой, показывающей истинные стержневые намерения Китая в разных регионах планеты, особенно в соседних с КНР геополитических пространствах.

Монголия действительно является наиболее точным тестом геополитических намерений КНР. Именно здесь имеется целый ряд объективных и субъективных вызовов исторического, политического, экономического и психологического характера, создающих соблазн проведения по отношению к Монголии политики жесткой силы.

Например, образование независимого монгольского государства создало первый в истории Китая прецедент, когда часть этой страны отделилась. Это было чревато эффектом домино, особенно если учитывать многоэтничность Китая и тот факт, что этнорелигиозные меньшинства проживали по всему периметру китайских границ на севере, западе и юго-западе. К тому же часть монголонаселенных районов, в частности Внутренняя Монголия, не вошла в независимую Монголию. Очевидно, что потеря одной территории и примирение с этим могли создать прецедент и в других регионах Китая. Данная опасность была вовсе не гипотетической. В 1913 г. Внешняя Монголия и Тибет, будучи де-факто вне подчинения Китая, но де-юре не признаны таковыми, под-

писали договор о дружбе и взаимопомощи в качестве самостоятельных субъектов [8, с. 122–128]. Естественно, что Китай не признавал независимую Монголию в течение достаточно долгого времени и всячески препятствовал признанию этой страны другими государствами. До конца Второй мировой войны, кроме СССР, Монголия не была признана ни одной страной мира.

Вопрос Внешней Монголии не был окончательно решен и после победы коммунистов в 1949 г. и образования Китайской Народной Республики. Еще до прихода к власти Мао Цзэдун заявил, что после победы коммунистов в Китае Монголия (Внешняя) автоматически войдет в состав Китая [9, р. 102]. После образования КНР Мао поставил перед руководством СССР вопрос о присоединении МНР к Китаю, но встретил отпор [3, с. 31]. Причем китайский вождь предлагал объединить Внешнюю и Внутреннюю Монголии, которые составили бы единую монгольскую автономию в составе КНР [11, р. 157]. Правда, Пекин признал независимость Монголии, но это было скорее вынужденное признание, нежели добровольное.

Но на данном этапе Китай действительно вполне осознанно отказался от политики какого-либо давления на Республику Монголия, применяя стратегию мягкой силы вместо давления или жесткой силы. В Пекине прекрасно понимают, что если по отношению к Монголии будет применяться жесткая сила, то это сразу переориентирует сбалансированный ныне внешнеполитический курс данной страны, а ее движение в сторону России или иных великих держав создаст неблагоприятную среду для КНР на международной арене.

Силовая политика Пекина по отношению к Улан-Батору окажет сильнейшее воздействие и на страны Центральной Азии — регион, представляющий для Китая важнейшее значение, во многом предопределяющий будущий расклад сил в мировой политике и место Китая в ней [11, с. 33–135]. Центральнoазиатские государства, увидев в таком подходе угрозу своей безопасности, поменяют свой внешнеполитический вектор и в качестве защитной реакции создадут альянсы с геополитическими соперниками КНР. А такое развитие ситуации будет серьезнейшим вызовом национальной безопасности КНР и пробьет брешь, которые очень сложно и даже невозможно будет заделать.

Китайско-монгольские отношения действительно представляют весьма интересный симбиоз «мягкой силы» и «жесткой слабости», которых придерживаются Китай и Монголия соответственно.

Данные стратегии являются объективным следствием существующих внешне- и внутри-

политических реалий, исторических, политических, психологических и иных факторов и ясно демонстрируют на практике, что более слабое государство может поддерживать весьма действенный баланс с более сильным соседом, уме-

ло используя фактор «жесткой слабости», а более сильный сосед не всегда хочет или даже может прибегнуть к «жесткой силе», предпочитая строить свои отношения, руководствуясь постулатами «мягкой силы».

Библиографический список

1. Wagner Allen. Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors. An Interview with Alan Wachman // The National Bureau of Asian Research. — [Electronic resource]. — URL: <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=245> (дата обращения: 03.05.2012).
2. “U.S. and Mongolia Sign Joint Vision Statement // Embassy of the USA to Mongolia. — [Electronic resource]. — URL: http://mongolia.usembassy.gov/pr_041014.html (дата обращения: 10.04.2012).
3. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР / Институт Дальнего Востока Академии наук СССР. — М., 1975.
4. Sneath David. The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // Modern Asian Studies. — 1994. — Vol. 28. — №2.
5. Minahan James. Encyclopedia of the Stateless Nations. Ethnic and National Groups Around the World. Vol. IV. — Westport, Connecticut, L., 2002.
6. Inner Mongolia Autonomous Region Bureau of Statistics. — [Electronic resource]. — URL: <http://www.nmgj.gov.cn/Html/gzdt/2011-5/23/1152309433324071.shtml>, (дата обращения: 17.05.2011).
7. Бурятия в цифрах — 2015 : статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. — Улан-Уде, 2015.
8. Кузьмин С. Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные // Восток. — 2011. — №4.
9. Snow Edgar. Red Star over China. — N.Y., 1938.
10. Atwood Christopher, Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–1946 // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan / edited by Kotkin Stephen and Bruce A. Elleman. — N.Y., 1999.
11. Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX — начале XXI вв. — М., 2013.